

УДК 321:005.58

UDC 321:005.58

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

MODERN TECHNOLOGIES OF AUTHORITY IN THE POLITICAL PROCESS

Е. А. Криштапович,
*кандидат философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
дисциплин Института пограничной
службы Республики Беларусь;*

О. А. Стаценко,
*старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин БГПУ*

Поступила в редакцию 14.12.15.

Ye. Kryshtapovich,
*Candidate of Philosophy,
Professor of the Chair of Humanitarian
Disciplines of Institute of Border
Services of the Republic of Belarus;*

O. Statsenko,
*Senior Teacher of the Chair of Social-
Humanitarian Disciplines of BSPU*

Received on 14.12.15.

В статье анализируются неявные инструменты власти и коды коммуникации, а также принципы восстановления власти. Важнейшим аспектом биовласти является поддержание в работоспособном состоянии имеющихся инфраструктур. Механизм стандартизации является одним из важнейших в системе власти. Делается вывод о том, что современные технологии власти построены не на замене структуры власти, а на ее изменении путем создания новой структуры сознания и систем коммуникаций людей.

Ключевые слова: технологии власти, биовласть, власть символических форм, культурный плюрализм, права человека, организация коммуникаций, мировой порядок.

The article analyzes discreet power instruments and communication codes together with power reconciliation principles. The infrastructure work maintenance is considered one of the most important biological power aspects. The standardization mechanism is considered one of the crucial ones in the system of power. Thus, modern power technologies are not based upon the power structure shift; they are based on its shift to the new conscience structure and modern communication system.

Keywords: technologies of power, biopower, power of symbolic forms, culture pluralism, human rights, organization of communications, world order.

Контроль над человеком развился в рамках концепции «дисциплинарного общества», появившейся в середине XVIII в. Оказалось, что вчерашние крестьяне неспособны работать методично и регулярно в системе мануфактур. Решением этой проблемы было появление форм дисциплинарного, полицейского, образовательного контроля. Эти формы пронизывали всю государственную и общественную жизнь.

Постепенно формы дисциплинарного контроля начали совершенствоваться. Заработала паспортная система, система учета социальных обязательств, страховая система, появились кредитные и налоговые службы, национальные дипломы об образовании. Был введен биометрический контроль, стали действовать национальные тестовые системы с международным признанием результатов.

Дисциплинарный, технологический контроль является механизмом реализации

власти. Его используют любые формы властвования. Очевидно, что не потеряют своего технологического значения и другие признанные механизмы поддержания власти: вооруженные силы, судебные органы и т. д.

Новые инстанции власти лишь частично используют механизм дисциплинарного контроля. Например, при формировании власти над телесными проявлениями жизнедеятельности человека (биовласть) в настоящее время применяются медицинские досье, данные из которых поставляются в органы социального страхования. Но при этом важно отметить, что возникает совершенно новая возможность власти – манипулировать физиологией и здоровьем человека в политических интересах [1, с. 76].

Таким образом, под новейшими инстанциями власти имеются в виду новые формы искусственного и сознательного влияния государства на жизнь людей. Они идут на сме-

ну уже ставшим традиционными формам власти (власть права, бюрократического контроля, силы, богатства, информации). Речь идет не о новых формах контроля, а новых сущностях, через которые можно создавать и удерживать определенный искусственный порядок.

Технология дает возможность воспроизводить определенный вид деятельности в соответствии с описанным образцом этой деятельности в других условиях. Это позволяет переносить новые элементы в любую точку земного шара, на любых носителях, используя любые ресурсы.

Но технологии власти имеют отношение не к материальной природе, а к природе общества. В XX в. человечество стало осваивать не только материальную, но и социальную, общественную природу человека. Этот процесс освоения начался в связи с тем, что революции XIX–XX вв. принесли с собой колоссальные потрясения. Стало понятно, что социальные процессы, процессы государственного строительства и удержания власти, процессы формирования политической культуры необходимо контролировать, иначе происходят грандиозные потрясения.

В XX в. было предпринято несколько попыток перенести инженерную идеологию на область общественных отношений. Представлялось возможным по планам и проектам строить общество, задуманное изначально. Но неудачные результаты этих попыток заставили усомниться в том, что инженерный подход, основанный на производственных технологиях, не совсем применим к сфере управления общественными процессами [2, с. 45]. Субъекты и объекты власти, включенные в технологии, начинают рефлексивные игры, стремясь изменить условия и обстоятельства, а самое главное – самоэволюционировать.

Проблема общественных технологий и их коренное отличие от прежнего понятия «технологии» состоит в том, что меняется процесс и материал, по отношению к которым производится деятельность. В основе технологий, связанных с производством, основной процесс и материал либо остаются неизменными, либо модифицируют в заранее определенных рамках. Этот процесс можно разбить на отдельные операции. В случае с общественными изменениями материал изменяется стихийно, он рефлексивен, активен, потому что этот материал – люди.

Технологии работы с общественными системами кардинально отличны от инженерных технологий.

Во-первых, новые образцы организации не изложены в виде инструкций, формируются непосредственно в процессе управления группами людей. Иначе говоря, «образец» технологичности следующего уровня способен развиваться, но вопрос состоит в том, сможет ли он этот процесс организовать.

В данном контексте речь идет об эффективности организации и скорости темпов ее развития. Иными словами, люди постоянно демонстрируют свою эффективность, оказываются способны или не способны вобрать в свою схему мышления все большее количество материала. В этом отношении суть технологического воздействия состоит в том, что новый образец поглощает и вбирает в свою организацию все окружающее пространство. В данном контексте не может идти речь о разделении образца и способа его реализации.

Во-вторых, общественные технологии всегда связаны с конфликтом, конкуренцией и играми. В этом смысле эти технологии не всегда могут быть полностью реализованы. Они как бы вырастают из образцов, но затем изменяются в неизвестную заранее форму. Поэтому результат может оказаться иным. Он состоит в том, что образец, который выбран как изначальный следующей технологичности, развивается и становится главенствующим, поглощая другие [1, с. 34].

Результатом является образец организации. Например, результат демократизации – демократия. Но каждый раз заранее неизвестно, какую именно форму демократии удастся вырастить в конкретных исторических условиях. Поэтому такого рода «технологии» скорее должны рассматриваться как способы становления организаций. Иначе говоря, это не технологии получения определенного продукта, не технологии деятельности – это технологии организации, которые трансформируются в разного рода виды деятельности.

С этой точки зрения, если мы рассматриваем власть как определенную систему организации, то основная идея технологий власти состоит в том, чтобы запустить процесс восстановления полной схемы по заданному образцу.

Для того чтобы технологии власти начали работать, необходимо создать ситуацию,

в которой старая власть начинает разрушаться и перестает быть властью. Но вопрос технологий появляется тогда, когда не только возникает сомнение в существующей структуре власти, но и появляются следующие вопросы: возможно ли восстановление власти и какая власть при этом сможет вновь оказаться жизнеспособной?

Формирование современных технологий власти взаимосвязано с тенденцией артификации (обискусствления) всех доступных сторон человеческой жизни. Любые системы общественных отношений подвергаются искусственному регулированию и упорядочиванию. Речь идет и о промышленных технологиях, и о финансовых системах, и о городских и всемирных инфраструктурах, и о системах регулирования здоровья, потребления, информационных потоков, конфликтов и т. д.

Все эти структуры жизни нуждаются в поддержании и воспроизводстве, чтобы существовать согласованно. И если ранее воспроизводство человеческой жизни происходило естественным образом, то сегодня оно невозможно без постоянного регулирования, структурирования. В этом и состоит базисная функция власти: обеспечивать воспроизводство человеческой жизни.

Формы организации человеческой жизни чрезвычайно разнообразны. В своей книге «Наше постчеловеческое будущее» Ф. Фукуяма пишет: «Человеческая природа не определяет жестко поведение человека, но ведет к большому разнообразию в способах воспитания детей, правления, добывания средств к существованию и т. д. Постоянные усилия человека по культурному самоизменению – вот что создает человеческую историю и прогрессивный рост сложности и разветвленности человеческих институтов» [3, с. 67]. Ничто в природе человека не задает обязательности форм воспроизводства жизни. Формы нужно постоянно восстанавливать.

При этом все больше сфер жизни начинают выходить из-под контроля естественных механизмов. А значит, все больше плоскостей власти необходимо активировать. Чем «искусственнее» становится жизнь, тем более разветвленной и всеобъемлющей должна становиться власть, иначе жизнь просто остановится.

В начале XX в. освоение человечеством таких видов деятельности, как создание общественных систем и идеологий, потребовало создания власти символических форм, власти коммуникаций. В наши дни искусственно создаются системы потребления, стили жизни, государства, даже системы биологического воспроизводства человека, и, со-

ответственно, человечеству не обойтись уже без тех технологий и действий власти, которые могут влиять на эти сферы жизни.

Вторгнувшись в определенную сферу, человечество не может далее оставить ее на произвол судьбы. Когда в 1990-е гг. в США к власти пришли демократы, они, реагируя на критику движения «зеленых», ужесточили режим использования национальных парков, запретив там любую деятельность человека, в том числе санитарные вырубку леса и обработку ядохимикатами. В результате всего через несколько лет леса оказались зараженными каким-то вредителем, который вызвал гибель массы деревьев. А далее по сухостоям начались жестокие лесные пожары [1, с. 115].

Естественным образом даже леса не восстанавливаются, что уж говорить обо всей совокупности человеческой жизни. Ее протекание регулируется столь тонкими механизмами, что человечество вряд ли способно их осмыслить. В наши дни возможно выделить несколько новых сфер власти.

В первую очередь это биовласть – власть, имеющая дело с механизмами организации самой человеческой жизни. То, что ранее считалось естественным в поведении человека, в наши дни все более активно подчиняется упорядочивающему действию власти – и с помощью медицины и медикаментозных средств, и с помощью систем образования, и с помощью когнитивных сфер воздействия. Формы организации человеческой жизни, человеческая телесность, как выясняется в последнее время, связаны с механизмами структур сознания и, соответственно, структур организации. Этой проблеме посвящена книга Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее», в которой автор обсуждает систему последствий возможных в недалеком будущем экспериментов по изменению природы человека, предлагаемых современной наукой [4].

Проблема заключается в следующем. С одной стороны, современная власть смещается все более от внешнего давления властными инстанциями к использованию иных форм интериоризации своего воздействия: от публичных поборов к установлению планомерной дисциплины, учету, регулярным и заранее известным налогам и повинностям. И только затем через систему всеобщего государственного обучения граждан и через первые, еще робкие ростки идеологической обработки с помощью СМИ власть начинает внедрять определенные стандарты поведения, стремясь превратить отклоняющееся поведение в управляемые государством нормы. В этих незаметных, но

цепких объятиях власти используют институты семьи, детства (индивид работает на семью, а стандарты сегодняшнего потребления задают, как правило, его дети). Добавим сюда разветвленную систему права и получим власть, «доведенную до каждого человека», не позволяющую ни на шаг отклониться от заданного алгоритма поведения.

С другой стороны, конкурентность и разнообразие современной жизни все время повышаются. При этом вновь встает вопрос об основаниях прав, морали: если в мире якобы доминирует культурный и общественный плюрализм, то те же стандарты права взаимно постоянно видоизменяются.

Современная власть смещается все более от давления со стороны властных инстанций к использованию форм интериоризации своего воздействия.

Вот как Фукуяма описывает возникающие проблемы: «Когда западные защитники прав человека критикуют китайское правительство за аресты диссидентов, оно отвечает, что у них в обществе права коллективные и социальные перевешивают права личности... Что ответит защитник прав... культурно отличному от нас обществу, где с помощью совершенно правильных процедур практикуются такие страшные вещи, как рабство или обрезание? Ответ невозможен, поскольку с самого начала было декларировано, что нет всеобщего стандарта определения хорошего и дурного, помимо того, что сама культура объявляется правом» [3, с. 143].

Это не устраивает Ф. Фукуяму и он стремится доказать, что, во-первых, у человека есть определенная природа, а во-вторых, эта природа непременно связана с возможностью морального выбора, со стремлением следовать собственным интересам, стремлением вступать в коммуникацию и формировать дружеские, семейные, деловые кооперативные связи, с заботой о близких. И в-третьих, из всего этого следует вывод: «политическая система, которая уважает (эти естественные склонности человека), будет более стабильной, работоспособной и удовлетворительной для человека» [3, с. 152].

Все более внедряется концепция радикального культурного плюрализма. Утверждается, что современное общество, основанное на свободном предпринимательстве и на взаимном доверии, открытое в плане возможностей создавать разнообразные объединения (как писал об этом К. Поппер в книге «Открытое общество и его враги»), опирается на глубинные свойства человеческой природы и является «более естест-

венным» и «более правым», чем иные типы сообществ (религиозные, капиталистические) [4].

Права человека, зачастую интерпретируемые в зависимости от политической конъюнктуры, по этой логике действительно имеют фундаментальный характер.

Из этого проистекают три важных следствия.

1. Глобализованное сообщество приобретает внутреннее право на любое вмешательство, любое проявление своей власти по отношению к человечеству. Более того, стоит только согласиться с приведенной логикой, как мы окажемся во власти глобализации, признав ее универсальным явлением. Перед нами пример манипуляций сознанием со стороны международных инстанций власти.
2. Современная власть работает как «машина самообоснования»: признавая, что с целью оправдания своих действий возможно применять все известные механизмы стандартизации, приводящие человеческое поведение в соответствие с некими нормами. А поскольку эта работа ведется с середины XX в., созданные в наши дни стандартизирующие механизмы, как это ни парадоксально, действительно будут соответствовать природе человека – homo ludens.
3. Становится понятно, почему многие известные политики сосредоточили свое внимание на проблеме медикаментозного, генетического, психологического вмешательства в природу человека. Если современная власть во всех ее проявлениях: от отдельного индивида до надгосударственных машин глобализованного общества – базируется на определенной природе человека (человека морального, аскетичного, коммуницирующего), то изменение этой природы уничтожает сам базис этой власти.

Именно потому биовласть становится в современном мире столь актуальной: от природы человека зависит прочность общественных и властных конструкций современного мира. И потому определенные группы стремятся упрочить свою власть, оказывая влияние на естественную природу с помощью медикаментов, психотерапевтических групповых программ адаптации, методов воздействия на сознание и различных методов контроля. А иные силы, напротив, будут стремиться поколебать, изменить эту природу ради создания на этой основе сообществ на иных принципах.

В качестве примера сферы, где подобная борьба то скрыто, то явно ведется уже длительное время, приведем сферу профессионального спорта и вопрос о применении допинга. Противники допинга говорят: спортивные достижения должны опираться и всегда опирались на естественные возможности человека. Сторонники возражают: соревнуются не спортсмены – соревнуются системы тренировок, целые команды помощников, включая врачей, которые с помощью медикаментозных средств могут радикально повысить результат, который столь необходим и спонсорам, и зрителям.

Подобные дискуссии и взаимные обвинения в недалеком будущем будут иметь место во многих сферах: в образовании, промышленности – в любых конкурентных сферах, где изменение человеческой природы будет способствовать конкуренции.

Важнейший аспект власти, направленной на сохранение сложившейся человеческой природы – биовласти, – поддержание в работоспособном состоянии имеющихся инфраструктур. Они являются основой существования глобализованного человечества. Речь идет и о транспорте, и об организованных потоках товаров, и о связи, и о финансах и информационной инфраструктуре. К «мягким инфраструктурам» относятся: образование, новости, судебная система, система действий в чрезвычайных ситуациях.

Условием «подключения» к любой из этих инфраструктур является выполнение ряда стандартов. Это могут быть и технические стандарты – напряжение, ширина колеи, химический состав, стандарт безопасности, и стандарты «гуманитарные», связанные с параметрами «человеческого капитала», ко-

торый эти инфраструктуры обслуживают. Это и образовательные, и квалификационные стандарты, но также и стандарты мотивации, качества работы, «управляемости», а для потребителей – стандарты качества жизни, потребительские стандарты.

Таким образом, можно сделать два вывода.

1. Поскольку инфраструктуры и возможность подключения к ним обеспечивают конкурентоспособность в современном мире, а стандарты обеспечивают саму возможность подключения, механизм стандартизации является одним из важнейших механизмов власти в глобальном мире. Речь идет обо всем комплексе стандартов: и технических, и социальных, и поведенческо-мировоззренческих. В частности, в приведенном выше примере Ф. Фукуямы работает стандарт «демократического общественного устройства», который позволяет оценивать страны по степени их «демократичности» и применяя в зависимости от этого те или иные стандарты действий [3, с. 96].
2. Биовласть, направленная на природу человека (на ее сохранение или контролируемое изменение), будет проявляться в той мере, в какой эта природа будет соответствовать вводимому глобалистами комплексу стандартов. Современному глобализованному человечеству необходимы такие люди, которые совместимы со всей системой инфраструктур, которые обладают вполне предсказуемым набором стандартных вариантов поведения, которые могут не задумываясь действовать, как человек потребляющий, человек экономический, человек, играющий и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов, Ю. П. Технологии власти : в 2 т. / Ю. П. Платонов. – М. : Речь, 2014. – 435 с.
2. Малкин, Е. Политические технологии / Е. Малкин. – М. : Русская панорама, 2008. – 387 с.
3. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина – М. : ООО «Изд-во АСТ»: ОАО «ЛЮКС». 2004. – 349 с.
4. Поппер, Карл Раймунд. Открытое общество и его враги / Карл Раймунд Поппер ; пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1: Чары Платона. – 448 с.

REFERENCES

1. Platonov, Yu. P. Tekhnologii vlasti : v 2 t. / Yu. P. Platonov. – M. : Rech, 2014. – 435 s.
2. Malkin, Ye. Politicheskiye tekhnologii / Ye. Malkin. – M. : Russkaya panorama, 2008. – 387 s.
3. Fukuyama, F. Nashe postchelovecheskoye budushcheye: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii / F. Fukuyama ; per. s angl. M. B. Levina. – M. : OOO "Izdatelstvo AST": OAO "Lyuks". – 2004. – 349 s.
4. Popper, Karl Raymund. Otkrytoye obshchestvo i yego vragi / Karl Raymund Popper; per. s angl.; pod red. V. N. Sadovskogo. – M. : Feniks, Mezhdunarodnyy fond "Kulturnaya initsiativa", 1992. – T. 1: Chary Platona. – 448 s.